

ЭПОС НАРОДНОЙ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА¹

Все творчество Лескова - можно смело сказать - представляет своеобразную грандиозную мозаичную картину русской жизни, единство которой создается пронизывающим ее духом эпоса. Яркие, самобытные, выступающие в трагических ситуациях персонажи рассказов и хроник писателя всегда представляют какую-либо из стихий или разом несколько стихий русской жизни. В своем творчестве Лесков ценил именно то, что его "какие-нибудь" неважные люди", - как писал он сам, - "самою своей жизнью, до известной степени, выражают историю своего времени". В объяснении с критиками по поводу "Левши" писатель подтверждал, что в образе Левши надо видеть русский народ. "Эта мысль, действительно, не чужда моему вымыслу", - писал он.

Как представители подспудных национальных сил, могучих, хотя порой искаженных, порой скованных, выступают герои в его эпической хронике "Соборяне". Дьякон Ахилла выражает собой, поступками, деяниями - лучше сказать - возможность некоторого наивного патриотизма, времени простодушия и детской воинственности. Протопоп Туберозов заставляет нас вспомнить о другой из стихий эпического времени существования нации. Если Ахилла напоминает воинов - заступников родной земли, то в Туберозове ярко выражено то, что Мамин-Сибиряк определял как "представительство", как выражение нравственной силы, моральных скреп, хранителями которых выступали в древности подобные люди.

В самых "бытовых" рассказах, действие которых прикреплено к определенному нашему времени, за ним, за этим бытом раскрывается глубина национального бытия, трагические разломы, находящие свое объяснение в прошлом, в истории, в национальном предании. Таковы "Леди Макбет Мценского уезда", "Котин доилец и Платонида" и др. Из этого же ощущения неутраченных связей с эпическим прошлым вырастает не только интерес к сюжетам из истории, но и блестящая их разработка.

В переживании прошлого как неутраченной эпической цельности Лесков был близок к Гоголю с его "Тарасом Бульбой", с тем несколько идеальным миром мечты, имеющим почву в народной поэзии, который ярко выступает в "Вечерах на хуторе близ Диканьки". В сатире, где Лесков наследовал традиции автора "Мертвых душ", оно

остаётся эпиком в той же степени, в какой Гоголь видел эпос народной жизни, в своем поэтическом общем противостоящий силам, подвергающимся осмеянию.

Писатель заставлял задумываться над мыслью о единстве национально-исторической жизни, над мыслью о том, что будущее строится не только из настоящего, но и прошлого. Ему было ценно наивное сознание нации. Оно видит порой анекдотические формы выражения этого сознания, но за формой смешного и нелепого выступают подлинные ценности души и поведения.

Исторические обстоятельства 60-80-х годов питали особое отношение писателя к эпическим народным началам. Гегель совершенно верно говорит, что эпос возникает в "среднюю пору", когда народ проснулся и перестал быть тупым, а дух настолько уже окреп, чтобы создать свою собственную вселенную". Видимо, подобные состояния возникают в историческом развитии человечества не один раз. Россия пореформенного периода была именно такой страной, в которой возникал в разных формах интерес к эпическому сознанию. Вспомните Рыбникова и Гильфердинга, Садовникова и Ровинского, Добровольского и Шейна. Интерес к эпическому сознанию народа у Лескова выражался в осознании участия прошлого в настоящем, в мысли о глубоких корнях философии и психологии народа, людей, составляющих его.

Внимание к эпическим формам бытия и сознания поддерживалось также присущей русской литературе пафосом страстного неприятия новых буржуазных отношений.

Лесков отождествлял свое сознание и народное. Он утверждал, что дело не в изучении народа: "Народ надо просто знать, как саму свою жизнь, не штудирова ее, а живучи с ней". Создавались отношения, характерные для эпического периода существования нации. Поэт близок народу по своим собственным точкам зрения, а это дает ему ту творческую свободу, которая необходима для создания художественных шедевров.

Итак, эпоса народной жизни выступает в творчестве Лескова прежде всего в прямом обращении к некоторым эпическим основам народных характеров, к эпическим ситуациям и в самом отношении писательского сознания к народной жизни.

Интересно также сближение Лескова с эпическим сознанием народа в специфической форме типизации, к которой он прибегает. На это внимание пока не обращалось.

Лесков постоянно пытается уверить нас, что то или иное лицо “списано” им с натуры, что тот или другой герой имеют прототип. И все же анекдотичность сюжета, своеобычность героя, цветистость слога как-то препятствуют нам воспринимать персонажи, лесковские характеры в их якобы очерковой достоверности. Подчеркивая “достоверность” рассказа, Лесков подкрепляет нашу веру в истинность героя. Да и его герои истинны, но не как воспроизведение живого прототипа, а иначе.

Б. М. Эйхенбаум в связи с анализом стиля писателя попутно заметил, что Лесков создает “иллюзию лица”. В самом деле, оно, это лицо, ощутимо до полной иллюзии его реального существования, и даже не за пределами книги, а вот тут, сейчас, перед вами. Катерина, Платонида, Ахилла, Флягин - все живые, выхваченные из жизни.

Посмотри на Ивана Северьяновича Флягина - “очарованного странника”. Цепь его приключений не имеет мотивировки ни в его характере, ни в особенностях истории (конкретной), хотя некоторые явления и упоминаются. Мы встречаемся здесь со свободным воплощением в образе, обладающем всей иллюзией достоверности, некоторых национально-народных начал. В духе эпопеи приключения частного человека осмысливаются не в плане его личного опыта, а как выражение общего, национальной “судьбы”, “очарованности”. В рассказе “Владычный суд” говорится: “Передо мной, казалось, стоял не просто человек, а какой-то кровавый, исторический символ”.

Применяя формулу, предложенную Морицом, одним из родоначальников мифологии как науки в его “Учении о богах”, - “миф содержит не истинную историю, а историческую истину”, - мы можем глубже, точнее вернее понять всю самобытность “Очарованного странника” и все тяготение Лескова к созданию таких символов, которые могут быть названы мифом. А миф - элемент эпического искусства. Имеет ли право считаться истиной такое смелое предположение? По-моему, да. Сам Лесков говорит о своем Головане: он почти миф, лицо мифическое, баснословное, “несмертельное”. Только миф позволяет обходиться без мотивировок поступков, как это встречается у Лескова в “Очарованном страннике”.

Миф отождествляет идейную образность вещей с вещами как таковыми. “...Миф, - пишет Лосев, - есть субстанциональное и вполне буквальное, ни в коем случае не переносное овеществление и осуществление той или иной родовой общности, той или иной общей идеи с обязательным представлением всей этих овеществленных частных или единичностей в виде живого существа”.

Идея национального характера воплощается в “Очарованном страннике”, идея леди Макбет - в Екатерине, идея Амура - в “Житии одной бабы” в образе Насти. Не случайно Лесков вспоминает о возможности подобных мифологических наименований своих произведений (Деревенский Телемак, Амур в Лапоточках). Дьякон мог бы иметь сколько угодно русских имен от Акакия до Федосия, но получил имя Ахилла. И совсем как в мифе звучат слова писателя об Иване Флягине: “всю свою жизнь погибал и никак не мог погибнуть”.

Лесков приближается к мифологическому образу мышления и в том, что он любит недифференцированное сознание, не выделяющее еще из себя сознания эстетического. Сознание его героев яркое и всегда особенное, вместе с тем по народному синкретично, и в этом смысле способно порождать мифы.

Лесков умело соединяет “высокое” мифа с историко-бытовым, низким, чем полны “Очарованный странник”, “Житие одной бабы”, “Соборяне”. По замечанию исследователей мифологического сознания - это характерная его черта.

Наконец, эпос народной жизни находит не менее яркое и завершенное выражение в стиле Лескова.

Мысль об исключительном языковом мастерстве Лескова утвердилась в критике и литературоведении очень давно. Л. Толстой говорил: “Язык он знал чудесно. До фокусов.” Критики подчеркивали обширность стихий народной речи, питавшей лексику автора рассказов и хроник. Амфитеатров заметил, что в недрах своей писательской речи “Лесков принял все, что сохранилось в народе от его стародавнего языка”. Таким образом подчеркнуто, что освоены художником различные временные пласты языка нации. Меншиков же обнаруживает у него стихии устной речи разнообразных, одновременно существующих социальных групп и жанров речи. Такая пестрота, многосоставность, многосложность лесковского языка отражает в себе и историческую перспективу веков, и широту самого понятия народ в современности.

Стушение различных стихий национального языка в речи писателя заставляет ощутить не пестроту его, а крепкий корень, его единство. И не только единство языка, а ту почву эпической жизни, которая способна породить силу и краски, глубину и замысловатость языка. За потоком речи встают внеречевые ценности, их глубокая историческая почва.

Как и в тяготении к эпосу в целом, подобная позиция писателя в отношении к языку выражала внутренние глубокие потребности народно-национальной жизни пореформенной России.

Я сознаю, что не столько даю ответы на вопросы, возникающие сегодня при взгляде на творчество Лескова, сколько намечаю известную программу исследований, которые ждут очереди и сулят более глубокую оценку изумительно национального писателя, обращенного к родникам народной жизни, сознания и языка. Но с чего-то надо же начинать...

¹⁾ Сборник материалов научной конференции традиционно открывается публикацией незавершенной статьи из личного архива профессора И. А. Дергачева (папка 956). Предположительно работу можно датировать началом 1980-х годов. Замысел большой статьи (данная публикация представляет собой ее тезисное изложение), посвященной изображению эпоса народной жизни в творчестве Н. С. Лескова, находится в диапазоне главных научных интересов ученого и связан с исследованием проблемы "народного реализма" в русской литературе второй половины XIX века (Отв.ред.).

Е.Н. Евстафьева
Нежин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИЗЫСКАНИЯ И. А. ДЕРГАЧЕВА

1. Целью настоящей работы является изучение наследия Ивана Алексеевича Дергачева, насчитывающее более 100 различных работ (как это видно из сборника "Библиографический путь", Свердловск, 1991).

2. В трудах И. А. Дергачева сочетается теоретический и историко-литературный подход к изучению творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка, что помогает исследователю определить своеобразие его реализма и установить место его в литературном процессе последней четверти XIX века.

3. Работы И. А. Дергачева о творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка обнаруживают высокую профессиональную эрудицию исследователя прозы замечательного художника слова, умение ставить и решать важнейшие проблемы литературного процесса и творческой индивидуальности писателя. В трудах И. А. Дергачева проявляется подлинная научность, способность оперировать фактами и делать